

Сюй Луньхуэй

Выпускная квалификационная работа

**Метафора как средство реализации манипулятивной стратегии в
англоязычном политическом медиа-дискурсе**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5040.

«Английский язык и литература»

Профиль «Английский язык и литература»

Научный руководитель:

к.п.н., ст. преподаватель, кафедра
иностраннных языков и лингводидактики,
Тимофеева Е. К.

Рецензент:

к.ф.н., доцент, кафедра русского языка как
иностранного и методики его
преподавания,
Жукова М. Ю.

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ.....	7
1.1. Подходы к определению понятия «дискурс».....	7
1.2. Политический медиа-дискурс как институциональная категория	12
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	18
ГЛАВА II. МЕСТО МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ.....	20
2.1 Понятие метафоры	20
2.2. Подходы к классификации метафор	23
2.3. Реализация манипулятивной стратегии англоязычного политического медиа-дискурса посредством метафоры.....	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	47
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	53

ВВЕДЕНИЕ

Политическая сфера играет большую роль в жизни общества, поэтому неудивительно, что она привлекает к себе внимание представителей различных научных дисциплин: социологов, психологов, исследователей массовой коммуникации. В частности, она представляет интерес для лингвистов с точки зрения оказания воздействующего эффекта на аудиторию.

В настоящее время политический дискурс, основная сфера реализации которого – СМИ, оказывает огромное влияние на жизнь общества, формирует сознание и поведение его членов, а также определяет особенности национальных языков и культур. В современном быстроменяющемся мире очень многое зависит от транслируемой посредством СМИ информации, подача которой, как правило, носит манипулятивный характер, что проявляется в реализации той или иной интенции отправителя сообщения. Поэтому процесс выявления речевых средств реализации той или иной цели представляется актуальным в настоящей работе.

В ходе анализа текстов политического медиа-дискурса зачастую возникают проблемы распознавания и верной интерпретации средств образности, которые активно используются в текстах политической тематики для оказания манипулятивного эффекта на аудиторию. Одним из таких средств является метафора, образный потенциал которой очень велик. Метафоры, используемые в политическом медиа-дискурсе, все больше привлекают внимание лингвистов, которые стремятся исследовать, почему авторы так часто прибегают к их использованию, как они отражают политические процессы, личностные качества и социальную психологию их участников.

Данная работа посвящена метафоре как средству реализации манипулятивной стратегии в политическом медиа-дискурсе, в котором основным каналом связи с массовой аудиторией выступает СМИ, играющие

значимую роль в формировании языковой картины мира того или иного народа. Мир, который отражается через призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах – это один из главных факторов, который определяет специфику и универсальность любой конкретной национальной языковой картины мира [Маслова 2001].

Уровень исследования данной проблемы в теоретическом и практическом планах обуславливает **актуальность** данной работы.

В качестве **объекта** данного исследования выступает метафора как средство воплощения манипулятивной стратегии и реализующих её речевых тактик англоязычного политического медиа-дискурса.

Предметом изучения является определение роли метафоры в реализации главной цели данного вида дискурса.

Цель работы заключается в выявлении и систематизации метафор, активно используемых в англоязычном политическом медиа-дискурсе для создания манипулятивного эффекта.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- 1) изучить научную литературу по проблеме дискурса;
- 2) разграничить понятия «дискурс» и «текст»;
- 3) исследовать подходы к определению компонентного состава модели дискурса;
- 4) рассмотреть понятие политического медиа-дискурса, его функции и лингвистические особенности;
- 5) дать определение метафоре и рассмотреть подходы к классификации метафор;
- 6) определить место манипулятивной стратегии в англоязычном политическом дискурсе;
- 7) проанализировать особенности функционирования метафор с целью манипулирования массовым сознанием на основе текстов данного вида дискурса.

Для решения сформулированных выше задач используются следующие **методы исследования**: анализ и обобщение отечественной и зарубежной литературы в области лингвистики и теории дискурса; систематизация, классификация, описательно-аналитический метод, метод дедукции и метод сплошной выборки.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и описании роли метафоры в реализации манипулятивной стратегии англоязычного политического медиа-дискурса.

Теоретическая значимость работы заключается в проведении исследования, выявляющего особенности функционирования метафор в данном виде дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в использовании его результатов при разработке курсов лекций и семинаров по лексикологии, стилистике, при составлении учебных пособий по английскому языку для будущих специалистов в сфере политики и международных отношений.

Материалом исследования послужили англоязычные газеты и журналы, тематически относящиеся к предметной сфере (Washington Examiner, The Guardian, The Wall Street Journal Guardian, The American Thinker, The New York Times, Washington Examiner, The National Interest, Forbes, BBC, CCN и другие).

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его объект и предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, цель и задачи, а также структура выпускной квалификационной работы.

В **Главе I** описываются понятия дискурса, политического медиа-дискурса, его отличительные характеристики.

Глава II посвящена определению метафоры, изучению подходов к классификации метафор, выявлению их роли в реализации манипулятивной

стратегии англоязычного политического медиа-дискурса, анализу материала исследования.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

ГЛАВА I. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Подходы к определению понятия «дискурс»

За последнее десятилетие термин «дискурс» стал одним из ключевых не только в лингвистике, но и в социологии, философии, политологии, психолингвистике, литературоведении [Горбунова, 2012]. Интерес учёных вызван особенностями построения общения в рамках определенной сферы или, чаще всего, на стыке нескольких сфер.

Предпосылками для возникновения такого лингвистического понятия как «дискурс» послужили воззрения немецкого философа и филолога В. фон Гумбольдта, который разрабатывал теорию о тесной связи языка, речи и идей, находящих отражение в языке. Эта концепция легла в основу его знаменитой философии языка. Исследователь был убеждён, что идеи, возникающие в сознании человека, находя отражение на языковом уровне, вербализуясь в словах, способны формировать определённое пространство, которое соотносится с мыслительным уровнем человека. Таким образом, языку отводится ключевая роль в формировании мышления, духа народа той или иной лингвокультурной общности [Гумбольдт, 1984].

Эта же мысль прослеживается и в работах русского и украинского лингвиста и литературоведа А. А. Потебни, который, постулируя факт о связи между языком и мышлением, говорит, что «язык есть орган, образующий мысль», без него невозможно порождение мысли [Потебня, 1989: 25].

Особое значение в становлении дискурс-анализа имеют идеи швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, который предложил разделять язык (*langue*), речь (*parole*) и речевую деятельность (*langage*). Исследователь полагал, что язык есть «социальный продукт речевой способности» и «система произвольных знаков», а речь выступает в качестве «индивидуального акта воли и понимания». Более того, учёный

разграничивал внутреннюю и внешнюю лингвистику: первая изучает язык как систему, а последняя – связь языка с историческим и социальным контекстом, что позднее отразилось в выделении ситуации в качестве компонента дискурса [Соссюр, 2004: 56].

Рассматривая научные предпосылки возникновения термина «дискурс», стоит также отметить идеи представителей Пражского лингвистического кружка, основателем которого являлся В. Матезиус. Для данного исследования значение имеет учение об актуальном членении предложения и о функциях и способах реализации речевой деятельности в рамках определённой ситуации. Данная концепция явилась продолжением идей Ф. де Соссюра и позволила говорить об одних из ключевых в дискурс-анализе понятий – тема и рема высказывания, которые определяют его функцию [Vachek, 1983; Иванов, 2009].

Важную роль в становлении дискурс-анализа играют воззрения американского антрополога и этнографа Ф. Боаса. Его учение, коррелируя с постулатами В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, А. А. Потебни, сводится к тому, что культура, а, соответственно, и мышление человека тесным образом связаны с языком и определяются им [Boas, 1964].

Таким образом, основной предпосылкой появления термина «дискурс», который позволяет описать конкретные области коммуникативных ситуаций и речевых явлений, является положение о тесной связи языка, культуры и мышления, что даёт основания для дальнейших изысканий, направленных на установление способа вербализации идей и мыслей в речи.

Сам термин «дискурс-анализ» впервые был использован в 1952 году американским лингвистом З. З. Харрисом в его статье «Discourse analysis» [Harris, 1952]. Исследователь понимает дискурс как «последовательность предложений, произнесённую (или написанную) одним (или более) человеком в определённой ситуации» [Горбунова, 2012: 245]. Автор считает, что все языковые явления внутренне взаимосвязаны: «от одного слова к десятитомному роману, от монолога до спора на Площади Единства» [Harris,

1952: 3]. Исходя из этого, делаем вывод о том, что основным средством вербализации идей и мыслей является предложение, а необходимым условием возникновения дискурса – наличие определённой коммуникативной ситуации, задающей предметную область общения.

Основоположником дискурсивного анализа по праву считается голландский лингвист Т. А. ван Дейк. Исследователь обращает внимание на проведение текстуального анализа (от фонетического до синтаксического уровней) и контекстного анализа при работе с текстом, поскольку, по его мнению, структура текста определяется характером контекста [Дейк, 1989].

Следует отметить, что учёный рассматривает дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Дейк, 1989: 8]. Таким образом, текст выступает в качестве единицы дискурса. Однако существуют иные подходы к разделению этих понятий.

Во второй половине XX века в отечественном и зарубежном языкознании наметилась тенденция к разделению понятий «текст» и «дискурс». Лингвисты в этот период времени говорят о том, что дискурс можно рассматривать как текст в определенном контексте. Стоит отметить, что Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как речь, вложенную в контекст [Арутюнова, 1990]. Как указывает Е. С. Кубрякова, с точки зрения когнитивной лингвистики, различие между двумя понятиями (текст и дискурс) вполне естественно, поскольку оно коррелирует с контрастом между познанием и его исходом. Согласно позиции исследователя, дискурс можно рассматривать как когнитивный процесс, связанный с произведением речи, а текст – как результат речи [Кубрякова, 2000].

Кроме того, данные понятия могут быть рассмотрены в оппозиции «актуальность – виртуальность». Дискурс есть «текущая речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский, 1998: 19], «творимый в речи связный текст» [Конецкая, 1997: 106]. Текст не связан с реальным временем,

он представляет собой абстрактный элемент, реализующийся в дискурсе [Schiffrin, 1994].

Ряд учёных считает, что дискурс – понятие, связанное со звучащей речью, а текст – с письменной формой (М. Ноеу, М. Coulthard, З. Я. Тураева) [Шейгал, 2000].

Исследователь в области политического дискурса Е. И. Шейгал, анализируя различные подходы лингвистов к разграничению текста и дискурса, предлагает собственную формулу по разделению данных лингвистических категорий: «дискурс = подъязык + текст + контекст». Под подъязыком автор понимает «определенную систему специально-ориентированных знаков», под текстом – «творимый текст + ранее созданные тексты», а под контекстом подразумевается «ситуативный контекст» и «культурный контекст» [Шейгал, 2000: 26].

В настоящей работе мы будем придерживаться точки зрения, предложенной Л. П. Тарнаевой. Учёный рассматривает соотношение этих категорий как совокупность процессуальных и результирующих компонентов коммуникации. Дискурс является речемыслительной деятельностью по обработке информации, поступающей из внешних источников, что порождает связные высказывания, микро- или макротекст [Тарнаева, 2011].

Немаловажным при изучении дискурса как лингвистической категории является вопрос о его модели. Американский антрополог Д. Х. Хаймс выделяет следующие компоненты коммуникативной деятельности: отправитель, получатель, форма сообщения, канал связи, код, тема, обстановка [Хаймс, 1975].

Разработка более развёрнутой модели дискурса принадлежит Р. Т. Беллу, который к компонентам дискурса относит следующие: 1) обстановку и сцену (обстоятельства, в которых протекает коммуникативный акт); 2) участников; 3) эффект (предполагаемый и непредвиденный результат); 4) цели; 5) ход действия (форма и содержание

сообщения); 6) ключ (манера передачи сообщения); 7) инструментарий (каналы и формы речи); 8) нормы поведения участников; 9) жанры. Стоит отметить, что каналом связи учёный называет коммуникативное средство, передающее информацию адресату. Он может быть зависимый и независимый, статичный и динамичный, слуховой и зрительный. Канал выбирается в зависимости от содержания информации, которая бывает когнитивной, индексальной и регулятивной. Р. Т. Белл также вводит понятие «социального фактора» (модификация планируемого сообщения в зависимости от ситуации, его реальная реализация в речи) [Белл, 1980].

В модели дискурса, предложенной Г. Н. Манаенко, выделяются внешний (сцена действия и участники действия) и внутренний контексты (цели общения, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знание правил, норм и стереотипов коммуникации, навыки речевого общения) [Манаенко 2003].

В рамках социолингвистического и жанро-стилистического подходов в речевой коммуникации выделяют два основных типа дискурса: личностно-ориентированный (персональный), и статусно-ориентированный (институциональный). Для первого характерна диалогичность, паузация, эллиптичность, значительное содержание невербальной информации, поскольку он функционирует в неформальном общении [Шейгал, 2000; Карасик, 2002; Макаров, 2003; Тарнаева, 2011].

Институциональный дискурс – это «тип национального дискурса, который характеризуется специфическим использованием национальных речевых ресурсов для обеспечения статусно-ритуального общения людей, исполняющих социально детерминированные роли в ситуациях делового общения с варьируемой степенью ритуальности» [Тарнаева, 2011: 109].

Основными характеристиками институционального дискурса выступают следующие: наличие шкалы социальных отношений, направленность на решение отдельных социальных проблем, влияние на социальное взаимодействие, интенциональность, ориентация на структуру, максимум

речевых ограничений, относительно фиксированная смена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, глобальный характер целей, развёрнутость, предельная насыщенность смыслами, преобладание монологичности, нормативность языковых средств [Кубрякова, 1997; Шейгал, 2000; Карасик, 2002; Макаров, 2003; Тарнаева, 2011].

В рамках институционального дискурса выделяют следующие основные виды: *педагогический дискурс* (цель – социализация человека), *религиозный дискурс* (цель – приобщение к вере в рамках определенной конфессии), *научный дискурс* (цель – умножение знаний и доказательство их объективности), *политический дискурс* (цель – борьба за власть), *медицинский дискурс* (высшими ценностями являются человеческая жизнь и нормальное здоровье) [Карасик, 2002].

Политический медиа-дискурс также является видом институционального типа общения и имеет свои особенности по сравнению с другими его видами.

1.2. Политический медиа-дискурс как институциональная категория

В последние годы политический медиа-дискурс выступает объектом пристального внимания учёных, так как является гибридным, то есть сочетает в себе характеристики как политического, так и медийного видов дискурса [Шейгал, 2000; Карасик, 2002; Грушевская, 2002; Чудинов, 2006]. Такое слияние формирует новое дискурсивное пространство и обусловлено растущим влиянием СМИ, являющихся основным «посредником» в политической коммуникации. СМИ существенно влияют на смысл передаваемого сообщения, а также регулируют дистанцию между политическим лидером и народом, то есть повышают демократичность или авторитарность дискурса [Наминова, 2001].

В настоящей работе принято использовать термин «политический медиа-дискурс», хотя для обозначения данного вида дискурса используются также термины «политический дискурс СМИ», «массмедийный политический дискурс» и «газетный политический дискурс» [Ширяев, 2017].

Существуют различные подходы к определению данного вида дискурса. Так, Н. С. Ширяев трактует политический медиа-дискурс как идеологизированную разновидность институционального типа дискурса, который сочетает в себе типологические признаки политического (отнесенность к сфере политики) и медийного (коммуникативная обусловленность ситуации) [Ширяев, 2017].

Е. В. Ишменев рассматривает политический медиа-дискурс как специфический тип институционального, основными характеристиками которого является публичный характер и массовая аудитория как адресат [Ишменев, 2012]. Т. М. Грушевская политическим дискурсом СМИ называет «формально-семантическую структуру», которая является коммуникацией «на базе политического информирования» [Грушевская, 2002: 9]. М. В. Гречихин указывает на «социально-регулятивный механизм» политического медиа-дискурса, который способен организовывать сознание масс с помощью формирования и распространения «социально значимых когнитивных, аксиологических и регулятивных смыслов» [Гречихин, 2008: 6].

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся трактовки, предложенной О. В. Сулиной, которая понимает политический медиа-дискурс как «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Сулина, 2014: 221].

Тесное взаимодействие целей медийного и политического видов дискурса привело к компиляции их функций. Таким образом, основными функциями политического медиа-дискурса выступают функции

информирования (осуществление передачи политической информации), *воздействия* (получение заранее запланированного эффекта), *призыва* (направляющая функция), *создания информационного поля для обмена как объективной информацией, так и субъективной информацией с целью создания определенной картины мира*, выгодной тому или иному политическому деятелю или заинтересованным группам лиц [Пескова, 2015; Монне, 2017].

Такие исследователи, как Н. С. Ширяев и С. А. Виноградова, сходятся во мнении, что основной целью политического медиа-дискурса является манипуляция сознанием реципиентов. Как правило, манипулирование осуществляется с целью удержания власти, а также привлечения внимания адресата к политическим проблемам [Виноградова, 2010; Ширяев, 2017].

Основываясь на модели дискурса, предложенной Р. Т. Беллом, к основным компонентам политического медиа-дискурса мы относим следующие:

- *обстановка и сцена*: обстоятельства, в которых протекает политическая коммуникация (митинг, публичное выступление политика и т.д.); тип политической коммуникации определяется по параметру «официальный / неофициальный»;
- *участники*: политики, правительство (адресант), массовая аудитория (адресат) и журналисты. Отметим, что зачастую журналист выступает как «техническое средство», поскольку он является «посредником», каналом связи между политиками и народом [Шейгал, 2000];
- *эффект*: общие и частные интенции участников политической медиа-коммуникации и её исход (предполагаемый и непредвиденный);
- *цели*: борьба за власть, удержание власти, воздействие на сознание адресата;
- *ход действия*: форма, содержание и тема политического сообщения;

- *ключ*: манера передачи политической информации посредством СМИ (легкость, ироничность, доступность и т.д.);
- *инструментарий*: совокупность каналов (СМИ – печатные (пресса) и электронные источники (телевидение, радио, интернет-ресурсы)) и форм политической речи в медиа-источниках (например, литературный вариант языка);
- *нормы поведения*: знание правил коммуникации, обусловленных социальным статусом участников общения, их социальными отношениями;
- *жанры*: публицистические статьи, освещающие политические проблемы; колонка комментатора, передовые статьи, репортажи со съездов или митингов, интервью с политиками, политические пресс-конференции, информационные заметки, проблемные аналитические статьи, написанные политиками; публичные выступления политических деятелей и другие [Ширяев, 2017].

В дискурс-анализе ключевыми являются понятия коммуникативной стратегии и речевой тактики. Важно подчеркнуть, что тактика выступает в качестве частного понятия по отношению к стратегии [Верещагин, Ратмайр, Ройтер, 1992]. Под коммуникативной стратегией мы вслед за О. С. Иссерс понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс, 2008: 54].

Существует широкое разнообразие типологий коммуникативных стратегий, составляющих основу политического медиа-дискурса. М. А. Рясина все стратегии политического медиа-дискурса делит на *контактные* (ориентированные на кооперацию и конфронтацию с массовой аудиторией) и *стратегии объективно-субъективного информирования*, регулирующие объективность сообщения. В первую группу включают

стратегии *позитивной презентации и самопрезентации, «преуменьшения», псевдо-конвенции, интенсификации, дискредитации, конвенциональную стратегию*. Ко второму типу относят стратегии *детализации, логического убеждения, уклонения от истины, информационно-интерпретационные, контроля над темой, апеллирования к чувствам, оценки* [Рясина, 2013].

В связи с размытостью границ между политическим и медийным дискурсами в политическом медиа-дискурсе можно обнаружить стратегии собственно политического дискурса. Среди ведущих стратегий англоязычного политического дискурса выступают *аргументативная* (цель – формирование определенной точки зрения у адресата), *манипулятивная* (заключается во внедрении в сознание адресата определенных установок), *персуазивная* (направлена на побуждение адресата к выполнению тех или иных действий) и *контактоформирующая* (служит для построения отношений между политиком и народом) [Паршина, 2005; Чернобровкина, 2013; Тарнаева, Шаврова, 2017].

Каждая коммуникативная стратегия реализуется с помощью определенного набора речевых тактик. По определению О. С. Иссерс, речевая тактика – «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [Иссерс, 2008: 111]. Все тактики можно разделить на общие и частные (по характеру и глобальности целей), основные и вспомогательные (по функциям и характеру их содержания). Например, тактика эмоционального воздействия является общей для манипулятивной и аргументативной стратегий [Иссерс, 2008; Филатова, 2014; Торбик, 2016; Тарнаева, 2017].

Наиболее частотными тактиками политического медиа-дискурса, воплощающими стратегию саморепрезентации, являются *тактики внутренней и внешней солидаризации, агитации, внутреннего и внешнего выгодного сравнения*. Для реализации стратегии дискредитации используются *тактики внутреннего и внешнего дистанцирования, внутреннего и внешнего аргументированного обвинения, тактика нападения,*

критики, контраста [Ширяев, 2017]. Аргументативная стратегия реализуется посредством тактик *сопоставительного анализа, видения перспективы, оценки, прогнозирования* [Иссерс, 2008].

В рамках презентационной стратегии используются тактики *акцентирования на откровенности и честности, юмора, апелляции к общему фонду знаний, апологизации* (самозащита, отвод критики), *эпатирования*. Конвенциональная дискурсивная стратегия представлена тактиками *выражения согласия с оппонентом, управления дистанцией, комплимента*.

Манипулятивную стратегию могут реализовывать *тактики кооперации, «наклеивания ярлыков», «игры в простонародность», откровенности, позитивного оценивания адресата и вопросно-ответных форм построения высказывания, предостережения, обещания* и другие [Филаткина, 2015].

Таким образом, знание и умелое использование данных коммуникативных стратегий и речевых тактик обеспечивает эффективное воздействие на массовое сознание.

Суммируя вышесказанное, заметим, что политический медиа-дискурс обладает рядом отличительных характеристик, что позволяет выделять его как отдельный вид институционального дискурса. Среди специфических особенностей данного вида дискурса необходимо, в первую очередь, выделить определенный набор коммуникативных стратегий и речевых тактик, способствующих достижению главной цели – борьба за власть, удержание власти, привлечение адресата к политическим проблемам. Реализация коммуникативных стратегий и тактик англоязычного политического медиа-дискурса осуществляется посредством различных лингвистических примов, которые придают высказыванию экспрессивный окрас и отражают процесс и результат мыслительного процесса отдельного человека или группы лиц. В политическом медиа-дискурсе одним из таких средств выступает метафора, о которой речь пойдет ниже [Калташкина, 2012].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В данной главе была изучена сущность политического медиа-дискурса и определены его конститутивные особенности.

В настоящем исследовании рассматривались идеи языковедов первой половины XX века, которые явились предпосылками для разработки и развития дискурс-анализа, а также различные точки зрения, имевшие место уже во второй половине XX столетия и касающиеся разделения понятий «дискурс» и «текст». В рамках настоящей работы было предложено рассматривать текст как результат дискурса.

Кроме того, были изучены различные подходы к определению компонентов модели дискурса, среди которых ключевыми явились обстановка и сцена действия, участники общения, эффект, цели, ход действия, ключ, инструментарий, нормы поведения и жанры.

Далее речь шла о типах дискурса, а именно личностно-ориентированном и институциональном, последнему из которых было уделено особое внимание, поскольку политический медиа-дискурс является одним из его видов. Были рассмотрены основные характеристики институционального дискурса и представлена его типология.

Также был проведён анализ подходов к определению политического медиа-дискурса, выявлению его целей, функций и основных компонентов. Отметим, что в настоящем исследовании под политическим медиа-дискурсом мы понимаем «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Сулина, 2014: 221].

Заключаящим звеном явилось представление понятий «коммуникативная стратегия» и «речевая тактика». Были представлены различные классификации коммуникативных стратегий политического медиа-дискурса, среди которых ведущую роль играют манипулятивная,

аргументативная, презентационная, персуазивная и контактоформирующая стратегии.

ГЛАВА II. МЕСТО МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

2.1 Понятие метафоры

Для политического медиа-дискурса характерно широкое использование метафоры, которая играет существенную роль при воздействии на сознание и эмоции реципиента. Кроме того, она способствует быстрой и образной передаче мысли говорящего, осуществлению ведущих коммуникативных стратегий данного вида дискурса. Пристальное внимание учёных к использованию метафоры в политическом медиа-дискурсе обусловлено способностью метафоры отражать взаимодействие языка, мышления и культуры, что позволяет выявить специфику национального видения политической реальности и лучше понять картину мира того или иного народа [Mendzheritskaya, 2002; Будаев, Чудинов, 2006; Калташкина, 2012].

На протяжении довольно долгого времени метафора воспринималась как риторический прием, средство художественной выразительности. Древнегреческий философ Аристотель определил её как перенос имени с рода на вид, с вида на род, или с вида на вид [Аристотель, 1984].

Метафора (от др.-греч. *μεταφορά* – «перенос», «переносное значение») представляет собой перенесение значения по сходству [Дюжикова, 1990]. В метафоре происходит соединение двух значений: одно задано контекстом (переносное), а второе уже существует в обычном употреблении слова (прямое), или иначе говоря, в ней совмещаются предмет и образ высказывания. Поскольку метафора является скрытым сравнением, то признак, по которому происходит перенесение значения, не задан открыто, а о нем необходимо догадаться. Таким образом, данный троп может устанавливать ассоциативные связи, строить аналогии между явлениями. Реципиенту приходится размышлять и интерпретировать смысл, заложенный автором в транслируемое сообщение. Однако ряд интерпретаций может быть

весьма обширным, так как представлен различными «оттенками» и вариациями толкования сути текста, что, в свою очередь, повышает экспрессивность данного приема [Зимняя, 2001].

С развитием когнитивной лингвистики во второй половине XX века изменилось понимание метафоричности высказывания, и она заключалась в осмыслении предмета или явления одной области через призму другой и выступала в качестве концептуального элемента человеческой природы. Таким образом, метафора, тесно связанная с социальными и культурными реалиями общества, является частью жизненного опыта. Так, в процессе её «расшифровки» человек соотносит предмет с образом, рассматривая обозначаемое через призму имеющихся представлений. Это, в свою очередь, позволяет автору навязать определённое видение реальности [Lakoff, 2004; Окунева, 2011].

В этот период появилось понятие концептуальной метафоры (метафорической модели), рассматриваемой в качестве средства познания и объяснения действительности. Метафорическая модель обозначает образное представление той или иной денотативной сферы с помощью лексики, относящейся в первичном значении к совсем иной сфере. Когнитивная лингвистика, являясь одним из составных направлений в когнитологии, нашла связь между языком и сознанием человека. Американский лингвист Дж. Лакофф рассматривает метафору в качестве когнитивного явления. По его словам, «метафора – не только слово, но и словосочетание, предложение и даже целые тексты» [Lakoff, 2004: 156].

Когнитивная метафора включает в себя номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную, гипотетическую разновидности. Номинативно-оценочная разновидность служит способом создания названий для новых реалий, явлений, она заменяет уже существующие названия другими, более экспрессивными, выразительными, подходящими. Моделирующая разновидность позволяет создать модель объективной ситуации при помощи системы концептов другой понятийной системы,

чтобы охарактеризовать настоящую действительность. Инструментальная разновидность помогает определить решение, направление развития мысли, она выступает инструментом мышления. Гипотетическая метафора позволяет представить возможное развитие ситуации, предположить сущность объекта метафоры [Чудинов, 2006].

Основываясь на изложенных выше подходах, метафору можно определить как экспрессивное речевое средство, способствующее успешному воздействию на адресата и осмыслению новых реалий. Важно подчеркнуть, что в политическом медиа-дискурсе особое место занимают конвенциональные, или стертые, метафоры, которые настолько глубоко вошли в сознание носителей языка, что зачастую не осознаются как метафоры, но, тем не менее, они не лишены экспрессивности и мощного прагматического потенциала [Волков, 2017].

Метафора, как и любое экспрессивное речевое средство, выполняет ряд функций, реализация которых отражается в воплощении коммуникативных стратегий и речевых тактик политического медиа-дискурса. Среди этих функций исследователи выделяют следующие:

- когнитивная: метафора есть способ познания и категоризации мира;
- коммуникативная: данная функция представлена эвфемистической и популяризаторской разновидностями. Первая позволяет передавать информацию в завуалированной форме. Такая метафора всегда понятна членам языкового коллектива, она находится на грани между сказанным напрямую и несказанным, между определенным и утаённым, и в связи с этим такая метафорическая концептуализация мира имеет большое значение. Популяризаторская разновидность позволяет донести непонятную информацию для слабо подготовленного адресата в простой форме;
- номинативная: метафора расширяет языковой запас, фиксирует знания, о новой реалии;

- прагматическая: включает побудительную, аргументативную и эмотивную разновидности. Побудительная формирует эмоциональное состояние адресата, его политическую картину мира, стимулирует к участию в политической деятельности, определенным политическим действиям. Аргументация изменяет политическое мнение людей, с её помощью легче развить свою точку зрения. Кроме того, она служит дополнением к рациональным доводам, создает ситуацию, в которой у людей есть общий фонд знаний, поэтому аргументы будут звучать убедительно. Эмотивная разновидность влияет на эмоциональную сторону адресата, создает положительное или отрицательное отношение к определенной реалии;
- изобразительная: метафора придаёт высказыванию образность, яркость, глубину наглядности, эстетическую значимость [Чудинов, 2001].

Политическая тематика рассчитана на широкую аудиторию, поэтому информация, передаваемая посредством СМИ, должна быть доступной и эмоционально насыщенной. Таким образом, среди ведущих функций метафоры, необходимых для реализации этих параметров, следует выделить коммуникативную функцию, которая упрощает сложные идеи, позволяет рационально и понятно обосновать свою точку зрения; и прагматическую функцию, благодаря которой метафора предстает мощнейшим средством воздействия на эмоции и сознание адресата, формирования в его сознании определенной политической картины мира, побуждения его к тем или иным действиям.

2.2. Подходы к классификации метафор

До сих пор не существует единого подхода относительно классификации метафор. Так, А. В. Худяков выделяет метафоры по сферам источников их появления: 1) общество; 2) человек; 3) природа; 4) артефакты [Худяков, 2015].

Более развёрнутую классификацию предлагает А. П. Чудинов. Она основана на разделении по семантическим свойствам: 1) антропоморфная метафора (неодушевлённые объекты и явления наделяются человеческими качествами); 2) природоморфная метафора (предметы и явления из определенной сферы сравниваются с предметами и явлениями из флоры, фауны, водной среды обитания, неживой природы, климатическими явлениями); 3) социоморфная метафора (предметы и явления сопоставляются с понятиями из социальной сферы общества: театр, спорт и другие); 4) артефактная метафора (сравнение с предметами-артефактами) [Чудинов, 2013].

Л. М. Райская распределяет метафоры по тематическому принципу (семантическая классификация), поскольку они являются способом оценки окружающей действительности. Автор выделяет следующие группы: 1) метафоры, связанные с медициной; 2) военные метафоры; 3) строительные метафоры; 4) дорожные метафоры; 5) театральные метафоры; 6) метафоры, связанные с метеорологическими явлениями; 7) технические метафоры [Райская, 2009].

Важное место в политическом медиа-дискурсе занимает религиозная метафора, которая поднимает глобальные вопросы морали в мире политики [Чудинов, Солопова, 2005].

При отборе материала для настоящего исследования в основу был положен типологический критерий. Интерес представляли конвенциональные, концептуальные и авторские метафоры. Под конвенциональной метафорой вслед за Дж. Лакофф и М. Джонсоном мы понимаем общую метафору, которую авторы трактуют как общепризнанное образное выражение с переносным / метафорическим значением. Метафоры такого типа являются наиболее распространёнными и входят в лексикон языка в виде традиционных / устойчивых словосочетаний. Под концептуальной, или когнитивной метафорой понимается понятийная единица, которая основана на определенной метафорической модели. Дж.

Лакофф и М. Джонсон отмечают, что данный тип метафор является способом представления окружающей действительности через другую понятийную область путем переноса свойств с области-источника на область-мишень. Под авторской метафорой в данном исследовании понимается творчески преобразованное, нерегулярное метафорическое выражение, которое создается автором индивидуально для выражения определенной интенции [Lakoff, 2004].

2.3. Реализация манипулятивной стратегии англоязычного политического медиа-дискурса посредством метафоры

Исследованием проблемы манипулирования сознанием и эмоциями реципиента в рамках политического медиа-дискурса занимались такие исследователи как А. А. Казаков, С. А. Виноградова, В. А. Голянская, К. В. Никитина, О. В. Звада, О. Н. Быкова, А. Д. Васильев, Н. А. Остроушко, А. П. Крячкова, М. А. Рясина и другие.

Ряд учёных считает, что одним из главных функциональных признаков данного вида дискурса выступает воздействие на реципиента, или манипуляция реципиентом [Остроушко, 2002; Веретенкина, 2001; Антонова, 2012; Рясина, 2013; Крячкова, 2019; Голянская, Мельник, 2019]. О. В. Звада устанавливает, что в данном виде дискурса манипулирование проявляется в референциальном (искажение образа денотата / референта в процессе обозначения действительности), аргументативном (искажение постулатов общения) манипулировании [Звада, 2018].

Важно подчеркнуть, что СМИ создают свою реальность, которая иногда может отличаться от настоящего положения дел. Однако их аудитория принимает эти факты за достоверные, так как описываемые события далеки от адресата, и он не может следить за ними непосредственно. Так, ещё в 1920-е гг. американский журналист У. Липпман выделял недостижимость мира политики для индивида, на невозможность верификации политической

реальности [Зарубежная и Российская журналистика, 2003; Hasebrink, Schulz, 2007; Рякина, 2013].

А. А. Казаков, систематизируя способы языкового манипулирования в политическом медиа-дискурсе, отмечает, что его участники используют различные манипулятивные стратегии, которые реализуются посредством тактик. Их воплощение выражается в использовании определенных языковых средств, которые служат реализации главной коммуникативной задачи – оказание воздействующего эффекта на аудиторию [Казаков, 2013]. В рамках настоящей работы такими средствами выступают метафоры, которые, будучи экспрессивными речевыми единицами, способствуют максимально эффективному манипулированию массовым сознанием.

Для установления роли метафоры как средства реализации манипулятивного воздействия в англоязычном политическом медиа-дискурсе были использованы газетные материалы из таких авторитетных источников как *Washington Examiner*, *The Guardian*, *The Wall Street Journal*, *The American Thinker*, *The New York Times*, *Washington Examiner*, *The National Interest*, *Forbes* и другие. Эти издания освещают широкий спектр тем, затрагивающих как общественно-социальную, так и политико-экономическую сферу жизни внутри страны и за её пределами. Представляется, что такое тематическое разнообразие материала позволит всесторонне изучить роль метафоры в аспекте реализации манипулятивной стратегии.

Для анализа были отобраны 45 текстов, функционирующих в англоязычном политическом медиа-дискурсе, и в настоящей работе представлены самые яркие примеры использования того или иного типа метафор, способствующих созданию воздействующего эффекта.

Конвенциональные метафоры активно используются журналистами для формирования в сознании читателей ярких и красочных образов за счет устоявшихся в языковом сознании образов. В ходе анализа было установлено, что зачастую данный тип метафоры сопровождается

графическими средствами манипулятивного воздействия. Ключевые слова и выражения, которые несут яркую стилистическую коннотацию, выделяются полужирным шрифтом, привлекая к себе внимание. Например:

*Guatemala's white flags indicate pandemic's deadly side-effect: **hunger*** [Abbot: ЭР].

Данный заголовок позволяет ещё до знакомства с новостным материалом представить пандемию коронавируса в качестве разрушителя. Здесь манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактики объяснения, которая выражается метафорой *side-effect: **hunger***.

В следующем примере бывший президент США Б. Обама метафорически ассоциируется со злом. Таким образом, манипулятивная стратегия воплощается посредством тактики очернения оппонента:

How the 'Evil Called Barack Obama' Enabled the Genocide of Nigerian Christians [Raymond: ЭР].

Иллюстрацией использования конвенциональной метафоры может также служить приведённый ниже фрагмент:

*Trump thought he had a **nuclear deal** with Putin. Not so fast, **Russia said*** [Sanger, Kramer: ЭР].

Здесь метафорически осмысливается процесс заключения сделки, связанной с ядерным обеспечением. Россия представлена в виде живого существа, которому присуща способность разговаривать. Тактики акцентирования отрицательной информации и предостережения позволяют, тем самым, реализовать манипулятивную стратегию.

Большое количество конвенциональных метафор используется для описания ситуации, сложившейся в связи с возникновением пандемии коронавируса. Например:

*This situation is so dire that it deserves to be called a "depression" – a **pandemic depression*** [Samuelson: ЭР].

Здесь манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактики указания на существование проблемы.

В основу конвенциональной метафоры часто ложится фразеологизм. Анализ публицистических текстов позволил установить, что, прежде всего, активно используются фразеологизмы с номинацией частей тела человека. Обратимся к примерам:

*It also needs to **keep an eye on** the balance of payments, despite the positive effect of the FDI inflows, as recent figures show a widening in Georgia's trade deficit to over \$1 billion [Tisdall (2): ЭР].*

Здесь манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактики указания на пути решения проблемы.

Весьма продуктивны метафоры с номинацией состояния здоровья человека:

*I mean that very sincerely. Now it is time for America to **bind the wounds of** division, have to get together [Bacon: ЭР]*

В этом случае метафора позволяет воплотить тактику кооперации, что, конечно, создаёт мощный манипулятивный эффект.

В газетном материале часто встречаются конвенциональные метафоры с зооморфной номинацией. Например:

*Last year, GDR grew 9.4 %, about the same level as in 2005, increasing the aggregate size of **the lion's share** economy [Beaumont: ЭР].*

Здесь манипулирование осуществляется при помощи тактик указания на результаты и откровенности.

В политическом медиа-дискурсе метафоры, имеющие отношение к спорту или игре, обычно несут в себе негативный смысл: принято считать, что уважающий себя, своё дело и окружающих политик должен быть искренним:

*I apologize to the American people. Certainly I'm not proud of it. But this is **locker room talk** [Caplan: ЭР].*

В данном примере тактики признания вины и откровенности позволяют воздействовать на сознание и чувства аудитории.

В британских и американских публицистических текстах встречаются конвенциональные метафоры с номинацией видов азартных игр, которые традиционно вызывают в сознании адресата отрицательные ассоциации, связанные со стрессом, беспринципностью, обманом и даже жестокостью. Например:

*Led by the UK ambassador to the UN, Karen Pierce, a host of governments turned on Moscow. Pierce accused Russia of “**playing dice with the lives of the people of Salisbury**” [Pilkington, Harding, Morris: ЭР].*

Данный фрагмент взят из статьи, опубликованной 6 сентября 2018 года. В тот период времени, как известно, между Россией и Великобританией были очень напряжённые отношения, причиной которых стал случай попытки отравления семьи Скрипалей. Россия подвергалась ряду обвинений со стороны Великобритании и ООН. Цель автора данной статьи — дискредитировать Россию, создать негативный образ в представлении читателей. Здесь можно проследить, что манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактики очернения оппонента, представленной метафорой *playing dice with the lives*. Таким образом, автор представляет Россию как безжалостную и жестокую страну, «играющую в кости жизнями людей». Такой метафорический перенос вызывает ряд ассоциаций, связанных с бессердечностью, жестокостью, человеческим безразличием. Наделение подобными качествами Россию создает негативное отношение читателя к референту.

Следующий отрывок взят из статьи, посвящённой обзору российской политики и её позиций на мировой арене. Автор, используя метафору *playing a weak hand*, указывает на неуверенность президента России в ведении дел, создавая образ неопытного, совершающего ошибки человека, что воплощено в тактиках очернения оппонента и «наклеивания ярлыков»:

*The Russian president is **playing a weak hand**, but international collaboration is vital to push back against his threats [Observer editorial: ЭР].*

Подкрепление данной позиции мы находим в и следующем абзаце статьи, где обозреватель новостного сайта предлагает не переоценивать масштабы угрозы России в виду её уменьшающихся показателей на военные расходы:

The extent of the challenge posed by Russia to Britain and its allies should not be exaggerated. Although it is boastful of its armed strength, Russia's military spending fell by 20% last year, to a level below that of Saudi Arabia and one-tenth the equivalent US figure [Observer editorial: ЭР].

Реализуя тактики детализации транслируемой информации и позитивного оценивания ситуации посредством данной метафоры, адресант заранее задаёт вектор осмысления ситуации реципиентом. В сознании читателя формируется дискредитирующий образ России, которая предстаёт теперь как теряющая свои позиции на мировой арене и испытывающая серьёзные экономические проблемы страна.

*Which version to believe? **States have always lied** about their activities. So, it must be said, have (some) western politicians. But we are now living in an age where malign individuals and authoritarian nations such as **Russia are able to spray around lies** on a global scale, using the firehose power of Facebook and Twitter* [Harding: ЭР] .

Данный фрагмент взят из статьи, автор которой хочет уличить В. В. Путина и Д. Трампа во лжи. Опубликованный материал содержит ряд эмоциональных заявлений в адрес обоих правительств. В приведённом примере использованы метафорические конструкции *States have always lied* и *Russia are able to spray around lies*. С их помощью автор создает негативный образ государств, прибегающих ко лжи в ведении политики. Наделяя государства, в частности Россию, «способностью лгать», автор вызывает у реципиента ряд эмоциональных отрицательных откликов – страх, растерянность, неуверенность. Таким образом, реципиент погружается в ситуацию дезориентации: если Россия обманывает, значит ей нельзя доверять, от неё можно ожидать чего угодно. Следовательно, используя

тактики акцентирования отрицательной информации и обвинения, автор умело манипулирует сознанием реципиентов.

В следующем примере, посвященном предоставлению автокефалии Украинской православной церкви, адресант воздействует на эмоции масс, обращаясь к его религиозным воззрениям, то есть, прибегает к использованию тактик обвинения и апелляции к чувствам реципиента. Поскольку религия является определяющим компонентом системы взглядов человека, то обращение к религиозным убеждениям, к таким сильным эмоциям как страх, может возыметь мощный манипулятивный эффект. Так, России приписывается один из главных грехов – гнев «*Russian anger*»:

*Blaming saboteurs for the incident, Ukraine's deputy prime minister **linked the explosions to Russian anger** over the church schism* [Tisdall (1): ЭР].

Иллюстрацией реализации манипулятивной стратегии может служить следующий фрагмент:

***Russia is mocking** us. First the Salisbury attack, then information warfare. Time to wake up... **Russia is trolling** us. This is warfare disguised as political theatre. Information warfare. And we're too flatfooted to recognise it, let alone have a coherent strategy of how to counter it* [Cadwalladr: ЭР].

Используя глагол *to mock*, автор стремится донести до читателя идею о том, что Россия несерьёзно и пренебрежительно относится к правительству Соединенного Королевства, и вызывает к патриотическим чувствам граждан, продуцируя негативный эмоциональный отклик по отношению к России у читателя. Реципиент уязвлен, оскорблён, подавлен, ведь над ним и его правительством насмехаются, его не воспринимают всерьёз. Кроме того, «троллинг» со стороны России как форма социальной провокации, уничижения воспринимается читателем на личный счет по причине использования автором личных местоимений *us* и *we*. Реципиент испытывает те же чувства оскорбления и ничтожности, о которых говорилось выше. Данный эффект достигается благодаря тактикам очернения оппонента, обвинения и апелляции к чувствам адресата.

В следующем примере автор стремится показать, что Россию зачастую считают ответственной за нестабильность в мире политических событий:

*It is the fashion these days, in certain circles, to see the hand of Moscow behind all of **the political turbulence** of the present moment: Brexit, Trump, the rise of the European right* [Gatehouse: ЭР].

Здесь наблюдается сопоставление политических событий с «турбулентностью», то есть нестабильностью, беспорядочностью, хаотичностью. Во многом данное сравнение имеет эмоциональную окраску, вызывая сильную эмоцию страха и оказывая воздействие на чувства реципиента. Таким образом, тактики акцентирования отрицательной информации и обвинения, воплощённые посредством метафоры, создают мощный воздействующий эффект.

Следующий фрагмент иллюстрирует тактику гиперболизации событий. Используемая конвенциональная метафора позволяет читателю воспринимать политические действия как стихию, которая ему неподвластна, он является узником событий резких и неожиданных, неподконтрольных ему, он безоружен:

*The once-proud ramparts of Pax Americana **have been stormed** by America First* [Tisdall (2): ЭР].

Анализ отобранного материала позволил установить, что в англоязычном политическом медиа-дискурсе зачастую используется концептуальная метафора, которая основана на определенной модели. Метафоры, построенные даже по привычным моделям, могут придавать политической речи эмотивность и экспрессивность. Например:

*The **impasse has turned** the uneasy alliance between two of the largest oil-producing nations in the world **on its head**; in retaliation for refusing to comply, Saudi Aramco (the kingdom's oil behemoth) will increase its output to a mind-blowing thirteen million barrels a day – a 26 percent increase from previous levels* [Sutherland: ЭР].

Здесь автор статьи использует метафорическое выражение *impasse has turned on its head* для демонстрации сложившейся проблемной ситуации на рынке нефти и для динамики повествования. Таким образом, данная метафора позволяет реализовать тактику акцентирования отрицательной информации.

В следующем примере действия принца Саудовской Аравии в условиях глобального экономического кризиса описываются при помощи метафоры *go to great lengths to have his cake and eat it*. Те решения, которые принимает глава государства, представляются в виде пути (*lengths*), пройдя который политический деятель получит выгоду (*cake*):

It is the contradictory essence of these two goals that makes them so worrisome: the crown prince will go to great lengths to have his cake and eat it, too, even if it means isolating allies [Sutherland: ЭР].

В данном фрагменте манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактик предостережения и очернения оппонента.

Обратимся к следующему примеру:

*Some **industry players** expect a number of operations to fold and tens of thousands of employees to lose their jobs* [Sutherland: ЭР].

Здесь экономическое пространство ассоциируется с игровым полем, а участники – с игроками. Такого рода метафорический образ позволяет читателю увидеть, что в мире экономики и политики не все процессы происходят по законам и нормам, принятым в данной сфере человеческого общения. Привнесение коннотации игры рисует в сознании адресатов картину, где участники отстаивают свои интересы и стремятся получить больше выгоды, что схоже с игрой. В данном примере манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактик акцентирования отрицательной информации и предостережения.

Кроме этого, не только участники политического медиа-дискурса метафорически представляются в СМИ, но и отдельные отрасли экономики, что позволяет авторам статей достичь желаемого образного эффекта:

*But financial institutions are wary of lending to an industry already **drowning in debt**, with one major firm viewing energy as “a near-term risk [Sutherland: ЭР].*

В данном примере отдельные промышленные отрасли наделяются параметрами живых существ – они *утопают в долгах*, как живое существо может утонуть в воде. Итог процесса – гибель. Здесь манипулятивная стратегия воплощается посредством тактики акцентирования отрицательной информации.

Аналогичный пример метафорического представления экономики можно наблюдать в следующем отрывке:

*During the 1973 oil embargo, when most international production was concentrated in the OPEC member states, prices quadrupled and the American economy was **brought to its knees** [Sutherland: ЭР].*

В данном фрагменте метафора *was brought to its knees* означает положение подчинения, унижения, крайнего упадка, что отражается в использовании тактики акцентирования отрицательной информации.

Метафорически представляются в англоязычном политическом медиа-дискурсе отдельные экономические процессы, которые выступают в роли военного инструмента. Например:

*Indeed, source diversification is perhaps **the most pivotal weapon in the American energy arsenal** [Sutherland: ЭР].*

Здесь экономический процесс (source diversification – диверсификация источников) наделяется параметрами оружия. Лексемами-актуализаторами данного образа выступают *weapon* – *оружие* и *arsenal* – *арсенал*, которые по своему семантическому значению относятся к военному делу. Таким образом, использование данной метафоры позволяет реализовать тактику акцентирования положительной информации.

Схожий механизм возникновения метафорического значения можно проследить и в следующем примере:

*The **pandemic** has evidently defeated Putin’s military parade and spotlighted his historical distortions [Bugajski: ЭР].*

Здесь пандемия коронавируса предстает в виде противника, который *наносит поражение*, что позволяет создать воздействующий эффект посредством тактики указания на слабые стороны противника.

Выборка материала также показала, что политические процессы осмысливаются путем сопоставления их с гастрономическими процессами. Следующий пример иллюстрирует политическую ситуацию, сложившуюся в России в условиях распространения коронавирусной инфекции:

*The Russian government has inadvertently **concocted a recipe for domestic revolution*** [Bugajski: ЭР].

Здесь метафорически представляются действия российского правительства, которые описываются при помощи метафоры *concocted recipe*. Как известно рецепт – это гастрономическое понятие, под которым понимается описание последовательности действий для получения готового продукта. Такая метафора, реализует тактику ироничного осмысления действительности, и позволяет создать манипулятивный эффект.

В приведённом ниже фрагменте можно наблюдать, что политические механизмы, актуализируемые за счет метафорического использования глагола *backfire*, предстают в виде действующей силы, имеющей определённый разрушительный потенциал. Кроме того, автор обозначает описываемые политические процессы как *combination of economic and political resentment* – *смесь экономического и политического негодования*. Эта смесь наделяется потенциалом оружия благодаря использованию метафоры *becomes combustible* – *станет взрывоопасной*:

*But this could **backfire against** Putin if a **combination of economic and political resentment**, mass fear, and government incompetence **becomes combustible*** [Bugajski: ЭР].

Здесь манипулятивный эффект достигается благодаря использованию тактик акцентирования отрицательной информации и предостережения.

Для образного представления политических процессов используются также метафоры, которые основаны на переносе значения из сферы мореплавания. Например:

Once the public senses weakness and confusion among its rulers in Moscow, the floodgates will be open to alternatives [Bugajski: ЭР].

Термин *floodgates* – шлюз относится к области судо-морского дела и означает гидротехническое сооружение на водных путях, необходимое для обеспечения перехода судов на плаву из одного водного объекта (бьефа) в другой с учётом различных уровней воды в них, которые контролируются с помощью наполнения или опорожнения камеры. В данном контексте метафорическое выражение *flood gates will be open* используется для образного представления той волны негодования, которая будет вызвана действиями правительства в условиях экономического кризиса. Таким образом, здесь манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактик акцентирования отрицательной информации и указания на перспективу.

В политическом медиа-дискурсе авторы статей часто прибегают к использованию концептуальных метафор, приписывающих политическим процессам свойства и качества людей. Рассмотрим следующий пример:

NATO and Russia Flex Their Muscles, but Coronavirus Is a Common Foe [Marson, Grove: ЭР].

Автор данной статьи метафорически представляет государства как людей. Сферой-источником становится физиология человека, а областью-мишенью – государства. В этом примере манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактик обвинения и негативного оценивания ситуации. Кроме того, здесь можно проследить использование конвенциональной метафоры – *коронавирус – общий враг*, где вирус предстаёт в собирательном образе врага.

Среди концептуальных метафор актуализируется такой тип, как морбиальная метафора – представление политических явлений и процессов сквозь призму медицинской сферы. Например:

*This began to change: the post-Soviet **shock therapy** reforms were a punishing transition to a free-market society, when a kilogram of sausage cost about the same as a monthly pension and many families experienced malnutrition and hunger [Medvedev: ЭР].*

В этом примере автор при помощи морбиальной метафоры *shock therapy* – *шоковая терапия* характеризует политический и экономический процесс перехода от советского строя к капиталистическому. Данная метафора использована для демонстрации резкости и интенсивности проводимых политических мероприятий, и позволяет реализовать тактику указания на существование проблемы.

*Today, Russian television presenters feed us stories about a European continent in decay, where “**aggressive migrants**” **run amok**, where social services take children away from their parents for being “slapped”, where “sexual minorities” destroy traditional families [Medvedev: ЭР].*

В приведённом выше примере используется метафорический перенос определенного психического расстройства – амок. Оно характеризуется внезапным возникновением панических состояний с изменением сознания по типу сумеречного и неконтролируемым стремлением двигаться в одном направлении, круша и ломая всё, что стоит на пути, и убивая тех, кто мешает этому движению. Данное состояние приписывается иммигрантам, прибывшим в Европу. Автор указывает, что именно Россия является главным источником недостоверной информации о будто «сорвавшихся с цепи» переселенцев. Здесь манипулятивная стратегия реализуется при помощи тактики обвинения.

В следующем примере посредством метафоры *twilight world of Putin proxies* автор вызывает к чувствам реципиентов, а именно, к страху и замешательству:

*And while the main effort has been fronted primarily by senior Russian officials, Stronski adds, the second level of engagement has drawn in a familiar cast of characters from the **twilight world of Putin proxies** including businessmen*

and private military contractors like Wagner, not least in the CAR [Beaumont: ЭР].

Характер политики и политических действий описывается как тайный, закрытый от общих глаз. Освещая вопрос российской военной активности в Африке, автор стремится представить главу государства и его последователей как несущих угрозу в силу того, что их намерения и цели неизвестны. Так, читатель погружается в условия стресса и нестабильного эмоционального состояния, предоставляющие возможность более эффективного воздействия на сознание, что воплощается в тактиках очернения оппонента и предостережения.

Авторская метафора является не столь распространённой по сравнению с конвенциональной и концептуальной, но обладает таким же мощным манипулятивным потенциалом, как и другие типы. В качестве иллюстрации приведём следующий пример:

*What Obama, John Kerry and Hilary Clinton did to Nigeria by funding and supporting Buhari in the 2015 presidential election and helping Boko Haram in 2014/2015 was sheer wickedness and **the blood** of all those killed by the Buhari administration, his Fulani herdsmen and Boko Haram over the last 5 years **are on their hands*** [Raymond: ЭР].

Здесь автор конкретизируют те злодеяния, которые были совершены бывшим президентом США Б. Обамой и его администрацией. Использование метафорического переноса, где *кровь на руках* означает виновность в смерти кого-либо, позволяет обозревателю новостей оказать сильное манипулятивное воздействие на сознание реципиентов, рисуя картины убийств и, как следствие, кровопролития. Таким образом, метафора перестаёт средством реализации тактик очернения оппонента и обвинения.

Оригинальная авторская метафора представлена в следующем примере:

*This **fledgling secret police service hoodwinked** the established intelligence services of Europe, and in so doing showed its guile, patience and cruelty. Britain's "Ace of Spies," Sidney Reilly, who became Ian Fleming's model for*

James Bond, was just the most famous individual to be lured to the Soviet Union [Sipher: ЭР].

Автор статьи сравнивает тайную полицию с «едва оперившимся птенцом» (*fledgling secret police*), тем самым воплощая тактики обвинения и акцентирования отрицательной информации.

With so many legal threads hanging half-pulled from the rags that still cover Donald Trump, the undressing of this president has only reached the end of the first tease [Wolffe: ЭР].

Описывая образ бывшего главы Белого дома, журналист использует такие сочетания, как *legal threads* (юридические нити), *rags* (лохмотья), что позволяет воплотить тактику очернения оппонента и создать мощный манипулятивный эффект.

В следующем примере благодаря использованию метафоры воплощается тактика указания на существование проблемы:

Without a faster-growing economy, we will not be able to generate the wage gains people want, regardless of how we divide up the pie. <...> They help workers get a bigger slice of the pie but they need to be flexible enough to adapt to global competition [Bahar: ЭР].

Метафора *pie* используется в качестве показателя дохода – чем выше доход, тем больше кусок пирога. Метафора повторяется в тексте на протяжении всей статьи несколько раз, что позволяет автору акцентировать внимание читателей на его позиции относительно проблемы, связанной с состоянием экономики и ролью работников в ней.

Таким образом, анализ текстов англоязычного политического медиа-дискурса позволил установить интенции, которые реализуются авторами посредством использования метафор различного типа, и частотность их употребления. В ходе анализа были выявлены три типа метафор – конвенциональная (общая метафора), концептуальная (понятийная единица, основанная на метафорической модели) и авторская (индивидуально созданная или преобразованная метафорическая единица).

Концептуальная метафора, доля которой в проанализированных фрагментах составила 48%, часто используется для привлечения и удержания внимания аудитории при обсуждении того или иного политического вопроса. Кроме того, данный тип метафоры сочетается с другими воздействующими средствами как на лингвистическом (оценочная лексика, фразеологизмы и т.д.), так и на паралингвистическом (выделение шрифта, графические образы и т.д.) уровнях. Используя этот тип метафоры, авторы рисуют образы политиков в нужном ракурсе и оказывают манипулятивное воздействие на читательскую аудиторию, которое заключается в трансляции информации в выгодном для них свете. Конвенциональные метафоры часто представлены фразеологическими единицами, которые характеризуются яркой образностью.

Концептуальная метафора была представлена в 34% проанализированных примеров и основана на переносе качеств, свойств и параметров сферы-источника на сферу-мишень. Используя этот тип метафор, авторы создают ассоциативные связи между объектами в попытке обвинить или дискредитировать оппонента, указать на существование проблемы, что позволяет максимально эффективно реализовать манипулятивную стратегию.

Доля авторской метафоры равна 18%. Прибегая к использованию данного типа метафоры обозреватели новостей оказывают манипулятивное воздействие на сознание читательской аудитории и создают определённые ассоциации.

Стоит также отметить, что анализ текстов показал высокую частотность употребления метафор, которые способствуют реализации определённого набора речевых тактик, среди которых наиболее частотными являются тактики очернения оппонента, акцентирования отрицательной информации, предостережения, указания на существование проблемы и обвинения.

Результаты проведённого исследования могут послужить материалом при создании теоретических курсов по лексикологии, стилистике, а также при разработке учебно-методических материалов для дисциплины

«Английский язык», реализуемой на факультетах политологии и международных отношений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В данной главе были рассмотрены различные точки зрения, касающиеся определения метафоры. В настоящей работе принято понимать её как экспрессивное речевое средство, способствующее успешному воздействию на адресата и осмыслению новых реалий.

Была обоснована частотность использования метафоры в политическом медиа-дискурсе. Данный факт объясняется тем, что она воплощает в себе знакомые образы, позволяющие адресату лучше понять суть окружающих его явлений или явлений, от которых он далёк.

Также были рассмотрены функции метафоры, среди которых учёные выделяют следующие: когнитивная, коммуникативная, номинативная, прагматическая и изобразительная. В ходе исследования было установлено, что ведущими функциями в политическом медиа-дискурсе являются коммуникативная (способствует быстрой передаче образов и лучшему их осмыслению) и прагматическая (позволяет максимально эффективно воздействовать на сознание и эмоции реципиента и склонить его к определённой точке зрения) функции.

Кроме того, были изучены различные подходы к классификации метафор. В данном исследовании в качестве рабочей была принята классификация, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Она основана на типологическом критерии и включает в себя следующие типы метафор: конвенциональные (устоявшиеся в языке образные выражения с метафорическим значением), концептуальные (метафоры, основанные на метафорической модели, отражающей окружающую действительность через призму другой понятийной области) и авторские (творчески преобразованное метафорическое выражение).

Завершающим этапом явилось описание особенностей функционирования различных типов метафор в текстах англоязычного политического медиа-дискурса. Для анализа было отобрано 45 текстов, что

позволило доказать высокую частотность использования авторами статей метафор различных типов. В ходе анализа было выявлено, что наиболее частотными являются конвенциональные и концептуальные метафоры.

Более того, на примере отдельных фрагментов текстов англоязычного политического медиа-дискурса был установлен тот факт, что метафора, являясь экспрессивным речевым средством, эффективно способствует реализации манипулятивной стратегии посредством речевых тактик, среди которых высокой частотностью отличаются тактики очернения оппонента, акцентирования отрицательной информации, предостережения, указания на существование проблемы и обвинения.

Также было предложено использовать результаты проведённого анализа в качестве учебно-методических материалов при разработке курсов лекций и семинаров по стилистике, лексикологии и практического курса по английскому языку для будущих специалистов в сфере политики и международных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена выявлению роли метафоры в воплощении манипулятивной стратегии в текстах англоязычного политического медиа-дискурса. Известно, что СМИ выступают в качестве «посредника» между политическим деятелем и массовой аудиторией, следовательно, должны явиться мощнейшим средством воздействия на эмоции и сознание людей. Такой эффект может быть достигнут посредством использования экспрессивных речевых средств, в частности, метафоры. Поэтому нами была предпринята попытка анализа функционирования метафор в данном виде дискурса.

Прежде всего, был изучен теоретический материал по проблеме дискурса и политического медиа-дискурса, что позволило сделать ряд существенных выводов:

- 1) понятие «дискурс» как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике до сих пор остается неоднозначным. Существуют различные подходы к его трактовке, базирующиеся на соотношении понятий дискурса и текста. В настоящей работе было решено рассматривать дискурс как процесс речепорождения, а текст – как его результат;
- 2) анализ существующих подходов к проблеме определения компонентного состава дискурса позволил рассматривать модель, предложенную Р. Беллом, как наиболее полную для описания особенностей политического медиа-дискурса;
- 3) основными типами дискурса являются личностно-ориентированный и институциональный. Политический медиа-дискурс предстает одним из видов институционального общения, цель которого – борьба за власть, оценка политической ситуации и включение адресата в значимые социальные явления;
- 4) не существует единой точки зрения относительно формулировки термина «политический медиа-дискурс». Изучение различных подходов позволило

выявить наиболее полное, на наш взгляд, определение, заключающееся в следующем: политический медиа-дискурс – это «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Сулина, 2014: 221];

5) как и любой вид дискурса, политический медиа-дискурс реализуется посредством коммуникативных стратегий, среди которых ведущими выступают манипулятивная, аргументативная, презентационная, персуазивная и контактоформирующая стратегии.

Во второй главе были рассмотрены различные подходы к определению метафоры. Как результат, в настоящей работе под метафорой понимается экспрессивное речевое средство, способствующее успешному воздействию на адресата и осмыслению новых реалий. Кроме того, среди её ведущих функций в политическом медиа-дискурсе были выделены коммуникативная и прагматическая.

Изучение проблемы классификации метафор позволило выбрать классификацию, основанную на типологическом критерии, в качестве рабочей. Она представлена конвенциональными, концептуальными и авторскими метафорами.

На основании данной классификации был проведён анализ функционирования метафор в текстах англоязычного политического медиа-дискурса, который показал высокую частотность употребления данных речевых единиц, особенно конвенциональных и концептуальных метафор, в качестве средств реализации манипулятивной стратегии. Кроме того, были выделены ведущие речевые тактики, воплощённые посредством метафор и способствующие достижению воздействующего эффекта. К ним относятся тактики очернения оппонента, акцентирования отрицательной информации, предостережения, указания на существование проблемы и обвинения.

Таким образом, изучение научной литературы по данной проблематике и анализ текстов англоязычного политического медиа-дискурса показали, что данному виду дискурса характерно широкое использование метафор, являющихся мощнейшим речевым средством создания эмоционального эффекта, способного воздействовать на чувства и эмоции адресата.

В заключение отметим, что результаты настоящего исследования могут послужить рабочим материалом для разработки учебно-методических материалов в рамках лекционных курсов по стилистике, лексикологии и практического курса «Английский язык», реализуемого на факультетах политологии и международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова А. В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход: дис. ... д-ра филол. наук. – Самара, 2012. – 386 с.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М., 1984. – 669 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Белл Р. Т. Социоллингвистика. – М.: Международные отношения, 1980. – 329 с.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ин-т, 2006. – 215 с.
6. Веретенкина, Л. Ю. Стратегия, тактика и приемы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тезисы докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2000 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 177–179.
7. Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. – М., 1992. – № 6. – С. 82-93.
8. Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4. – С. 45-47.
9. Волков С. В. Политическая метафора в современных СМИ: Выпускная квалификационная работа по направлению 44.03.01. Педагогическое образование, профилю «Образование в области иностранного языка (английского)». – Екатеринбург, 2017. – 59 с.

10. Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек, 2019. – № 3. – С. 29-41.
11. Горбунова М. В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Языкознание. – Вып. № 27. – Пенза, 2012. – С. 244-247.
12. Гречихин М. В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2008. – № 2. – С. 26-30.
13. Грушевская Т. М. Политический газетный дискурс. Лингвопрагматический аспект: Дис... док. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 256 с.
14. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
15. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Язык. Познание. Коммуникация // Пер. с англ.. Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
16. Дымарский М. Я. Текст – дискурс – художественный текст // Текст как объект многоаспектного исследования: сб. статей научно-методического семинара «Textus». – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – Вып. № 3. Ч. 1. – С. 32-66.
17. Дюжикова Е.А. Метафора в словосложении. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1990. – 156 с.
18. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания: монография / под ред. А. А. Стриженко. – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2003. – 299 с.
19. Звада О. В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ / О. В. Звада // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 23-30.

20. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
21. Иванов Н. В. Актуальное членение предложения: на пути к новой парадигме теории // Проблемы и перспективы развития лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Сборник научных статей по материалам Международной конференции «История и теория языка. Принципы преподавания иностранных языков». – М.: Резонанс, 2009. – Вып. 3. – С. 15-23.
22. Иссерс О. С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
23. Ишменев Е. В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели / Е. В. Ишменев. – Екатеринбург, 2012. – 127 с.
24. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 87-90.
25. Калташкина Ю. Р. Роль и значение концептуальной метафоры в британском политическом медиа-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, 2012. – № 28 (282). – Вып. 70. – С. 74-79.
26. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
27. Конецкая В. П. Социология коммуникации. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
28. Крячкова А. П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дис. ...канд. фил. н. – Москва, 2019. – 170 с.
29. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность.

Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.

30. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конф.. – М.: 1997. – С. 19.

31. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

32. Манаенко Г. Н. О содержании термина «дискурс» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 23-26.

33. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.

34. Монне Т. А. Медиадискурс как инструмент политики // Вопросы теории и практики журналистики. – Т. 6, № 2 – 2017. – С. 245-253.

35. Наминова Г. А. Политический дискурс в современной России: проблемы достижения общественного согласия: автореф. дис... канд. полит. наук. – М., 2001. – 192 с.

36. Окунева И. О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады / И. О. Окунева // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. № 4(38). – С. 104–116.

37. Остроушко Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. – 2002. – №5. – С. 86-91.

38. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ...д-р фил. наук. – Саратов, 2005. – 325 с.

39. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. – Челябинск: Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», 2015. – №2 (16). – С. 26-31.

40. Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
41. Райская Л. М. Лекции по русскому языку и культуре речи / Л. М. Райская. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 148 с.
42. Рясина М. А. Стратегии политического медиа-дискурса (на материале электронных СМИ ФРГ): дис. ...канд. фил. н. – Самара, 2013. – 186 с.
43. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с французского А. М. Сухотина, под ред. и с примеч. Р. И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 278 с.
44. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. – 2014. – №1. – С. 217-222.
45. Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект): монография. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. – 134 с.
46. Тарнаева Л. П., Шаврова А. В. Особенности грамматической организации англоязычного предвыборного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. – Вып. № 12. Ч. 4. – С. 168-172.
47. Тарнаева Л. П. Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса: дис....д-ра. пед. наук. – СПб, 2011. – 545 с.
48. Торбик Е. М. Персуазивные стратегии в деловом дискурсе (на материале англоязычных проектных заявок): автореф. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2016. – 19 с.
49. Филаткина. Г. С. Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии (1999-2014 гг.): Дис... канд. фил. наук. – Москва, 2015. – 265 с.
50. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 19 с.

51. Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. – М.: 1975. – Вып. VII. – С. 42-95.
52. Худяков А. В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2. Ч. 2. – С. 206-208.
53. Чернобровкина Е. П. Речевое поведение президента США Барака Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 11. – С. 57-61.
54. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
55. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
56. Чудинов А. П., Солопова О. А. Метафорическое представление прошлого России и Великобритании в современном политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3 (006). – С. 33-45.
57. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 254 с.
58. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.
59. Ширяев Н. С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе: дис...канд. фил. наук. – Саратов, 2017. – 195 с.
60. Boas F. Linguistics and Ethnology // Language in Culture and Society / Dell Hymes (Ed.). – New York; Evanston; London: Harper & Row, Publishers, 1964. – P. 15-26.
61. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – V. 28. № 1. – P. 1– 30.

62. Hasebrink U., Schulz W. Research Report 2006/2007. Hans Bredow Institute. – Hamburg, 2007. – 78 S.
63. Lakoff R. Language and woman's place. Text and commentaries. – New York: Oxford University press, 2004. – 328 p.
64. Mendzheritskaya E. O. Metaphors We Read by // ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ. – Вып. 9. – Орел, 2002. – С. 31-35
65. Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford (UK) and Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. – 470 p.
66. Vachek J. Praguiana: some basic and less known aspects of the Prague linguistic school. – Praha; Amst., 1983. – 321 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Abbot Jeff. Guatemala's white flags indicate pandemic's deadly side-effect: hunger // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/22/guatemala-white-flags-hunger-coronavirus> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Bacon J. Donald Trump stuns the world, elected USA's 45th president // USA Today [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/elections/2016/2016/11/08/trump-clinton-target-social-media-swing-states-final-hours/93494872/> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Bahar D. Productivity is key to economic growth: Why is it slowing down in advanced economies? // Brookings [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2017/09/25/productivity-is-key-to-economic-growth-why-is-it-slowing-down-in-advanced-economies/> (дата обращения: 14.04.2021).
4. Beaumont P. Russia's scramble for influence in Africa catches western officials off-guard // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/global-development/2018/sep/11/russias-scramble-for-influence-in-africa-catches-western-officials-off-guard> (дата обращения: 03.04.2021).

5. Bugajski J. Could it be time for another Russian revolution? // Bulgaria Analytica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bulgariaanalytica.org/en/2020/04/29/could-it-be-time-for-another-russian-revolution/> (дата обращения: 17.03.2021).

6. Cadwalladr C. Russia is mocking us. First the Salisbury attack, then information warfare. Time to wake up // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/15/russia-is-mocking-us-first-the-salisbury-attack-then-information-warfare-time-to-act> (дата обращения: 20.03.2021).

7. Caplan D. 'Access Hollywood' slams Trump's questioning of 2005 tape: 'The tape is very real' // ABC7 News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abc7news.com/2709897/> (дата обращения: 09.04.2021).

8. Gatehouse G. The confusion around Russian 'meddling' means they're already winning // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/25/russian-meddling-vladimir-putin-vladislav-surkov> (дата обращения: 25.03.2021).

9. Harding L. Reporting on Trump and Putin amid the war on truth // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/membership/2018/oct/13/reporting-on-trump-and-putin-amid-the-war-on-truth> (дата обращения: 12.04.2021).

10. Marson J., Grove T. NATO and Russia Flex Their Muscles, but Coronavirus Is a Common Foe // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/nato-and-russia-flex-their-muscles-but-coronavirus-is-a-common-foe-11589450022> (дата обращения: 18.03.2021).

11. Medvedev K. Europeans and Russians should remember what bound them together: anti-fascism // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

<https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2020/may/08/europeans-russians-together-anti-facism> (дата обращения: 18.04.2021).

12. Observer editorial. The Observer view on how Putin's spooks reveal what a dangerous foe he has become // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/oct/07/observer-view-on-challenge-posed-by-russia> (дата обращения: 10.04.2021).

13. Pilkington E., Harding L., Morris S. Russia faces barrage of criticism at UN over novichok attack // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/sep/06/russia-faces-barrage-of-criticism-at-un-over-novichok-attack> (дата обращения: 29.03.2021).

14. Raymond I. How the 'Evil Called Barack Obama' Enabled the Genocide of Nigerian Christians // American Thinker [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://www.americanthinker.com/articles/2020/04/how_the_evil_called_barack_obama_enabled_the_genocide_of_nigerian_christians.html (дата обращения: 09.03.2021).

15. Samuelson R. J. Opinion: Let's call it what it is. We're in a Pandemic Depression // The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/lets-call-it-what-it-is-were-in-a-pandemic-depression/2020/08/09/3904faf4-d8e5-11ea-aff6-220dd3a14741_story.html (дата обращения: 28.03.2021).

16. Sanger D. E., Kramer A. E. Trump Thought He Had a Nuclear Deal With Putin. Not So Fast, Russia Said // The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/10/14/us/politics/trump-russia-nuclear-deal.html> (дата обращения: 29.03.2021).

17. Sipher J. Putin's One Weapon: The 'Intelligence State' // The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.nytimes.com/2019/02/24/opinion/putin-russia-security-services.html>
(дата обращения: 18.03.2021).

18. Sutherland C. The Oil War Is the Next Grave Risk to America // The National Interest [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/middle-east-watch/oil-war-next-grave-risk-america-144942> (дата обращения: 15.03.2021).

19. Tisdall S. America last: Trump has brought US to irrelevance in Syria // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/07/america-last-trump-has-brought-us-to-irrelevance-in-syria> (дата обращения: 19.03.2021).

20. Tisdall S. (1) Archbishop's defiance threatens Putin's vision of Russian greatness // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/14/ukraine-archbishop-bartholomew-defies-moscow-church> (дата обращения: 15.04.2021).

21. Tisdall S. (2) Result of Macedonia's referendum is another victory for Russia // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/01/result-of-macedonia-referendum-is-another-victory-for-Russia> (дата обращения: 20.03.2021).

22. Wolffe R. No collusion, plenty of corruption: Trump is not in the clear // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/24/mueller-report-trump-collusion-corruption-congress-democrats?CMP=share_btn_fb&fbclid=IwAR0mXStaonLvKZr7F2Ey07IpwYAM0V8FMOJZ8Jj-e_OubPUcl_mq5dOhAdA (дата обращения: 15.03.2021).